

ПУГАЛО

Дом, в котором жил старый мистер Болсовер, был когда-то желтый, как лютик, однако с годами краска выцвела и поблекла. Дом был длинный, хотя имел всего два этажа. Но даже из нижних окон открывался великолепный вид на луга, сейчас ослепительно зеленые в лучах утреннего солнца. Узкая веранда с позеленевшим от времени навесом шла вдоль всего фасада, затеняя окна. Стройные деревянные колонны были увиты клематисом и жасмином. По обеим сторонам веранды на выщербленных каменных тумбах стояли свинцовые фавны; приложив к губам свирели, они беззвучно звали друг к другу через море желтофиолей и гвоздик. Сейчас как раз цвела гвоздика, белая как снег, и воздух был напоен ее пряным ароматом.

Как только стенные часы на веранде пробили десять, балконная дверь, ведущая в столовую, распахнулась, и из

нее в легком белом пиджаке вышел старый мистер Болсовер в сопровождении своей маленькой племянницы Летиции. У Летиции была какая-то особая быстрая манера двигаться, говорить, поворачивать голову — совсем как у птички. А старый мистер Болсовер длинным носом и взглядом острых глаз тоже напоминал птицу, но птицу большую, долговязую и важную, вроде фламинго или аиста.

Дядя и племянница одновременно остановились, глядя на раскинувшиеся перед ними луга.

— Ах, дядюшка Тим, какое замечательное утро! — воскликнула Летиция.

— Утро прекрасное! Оно как будто специально изготовлено по заказу одной известной мне юной особы:

Что может быть прекраснее на свете,
Чем наше лето — или наша Летти!*

— Дядюшка Тим, это называется лезть! — сказала Летиция.

Мистер Болсовер покосился на нее из-под очков.

— Какое значение имеет, дорогая, как это называется. Ровно никакого.

— Да уж я тебя знаю, ты всегда найдешь отговорку. Подумать только: целый год я здесь не была! Даже не верится: здесь все осталось как было. Гвоздики и те точно такие же. Забавно, правда, дядюшка? Только мы стали другими.

Летиция повернула по-птичьи голову на высокой шейке и быстро, почти скороговоркой, добавила:

.....
* Перевод И. Комаровой.

— И даже это странное пугало, так похожее на чучело Гая Фокса*, вон там, где ивы... Вот уж кто ни капельки не изменился!

— Да, верно, верно, — сказал дядюшка, по-прежнему не отрывая взгляда от зеленых лугов. — Однако, если придерживаться истины, Летиция, вряд ли справедливо утверждать, что он *ни капельки* не изменился. Он, к примеру, сменил шляпу. В прошлом году на нем была просто старая шляпа, а нынче — старая-престарая, прямо непристойная. Неудивительно, что он надвинул ее на самые глаза. Но сколько бы ты ни глядела на него, он все равно тебя переглядит.

Летиция тем не менее продолжала смотреть на пугало, и между бровями у нее легла морщинка.

— Он все-таки немного странный, тебе не кажется, дядюшка? Особенно если долго на него смотреть. Правда, можно сделать вид, что на него не смотришь.

Голос Летиции стал серьезным.

— Ты, я вижу, совсем не помнишь, что в то утро, когда я уезжала год назад, ты мне дал честное слово все-все рассказать о нем, но как раз вошла мама, и ты позабыл.

— Да, был такой грех. Видишь, что получается, когда вместо памяти дырявый мешок. И когда даешь легкомысленные обещания, они тают у тебя во рту, как помадка. Да, это старик Джо собственной персоной.

.....

* Г а й Ф о к с — один из участников католического заговора, вошедшего в историю под названием «Пороховой заговор». Заговорщики собирались 5 ноября 1605 г. взорвать здание парламента во время присутствия в нем короля Якова I. В Англии до наших дней сохранилась традиция вечером 5 ноября отмечать раскрытие заговора сожжением чучела Гая Фокса и фейерверком.

Он так стар, дорогая, что его едва ли можно отличить от меня.

— Будь добр, дядюшка Тим, никогда не говори так! Ты мой самый молоденький из всех старых добрых дядюшек Тимов. Вот так! Но что же ты все-таки хотел рассказать мне про старого Джо? Откуда он взялся? Я знаю, он поставлен тут пугать ворон, но для чего он еще? Есть ведь песенка про старого Джо? * Он из этой песни? Ну расскажи мне скорей! Давай сядем поудобнее тут на ступеньках. Потрогай, как их солнышко нагрело! А теперь рассказывай. Ну, прошу тебя.

Мистер Болсовер уселся, а Летиция примостилась рядышком, совсем как пес Тоби около мистера Панча **. И вот что поведал мистер Болсовер о старом Джо.

— Я хочу начать, — начал он, — с самого начала ***. С этого места всегда легче дойти до конца. Итак, сто тридцать или чуть меньше лет назад, когда я был примерно в том же возрасте, что и ты, я иногда приезжал погостить к старой приятельнице моей матушки, то есть твоей бабушки. Звали ее Сара Лам. Это была весьма дородная женщина с гладкими черными волосами и полными румяными щеками. У нее были удивительно мягкие, пухлые руки. Она носила бархатный чепец нежно-сиреневого цвета, плотно облегающий уши, а на плечах у нее всегда была кружевная накидка. Я как сейчас

.....
* Имеется в виду стихотворение К.С. Форестера (1826–1864).

** Персонажи английского народного театра кукол.

*** Реминисценция из Льюиса Кэрролла («Алиса в Стране чудес»):
«— С чего начать, ваше величество? — спросил Кролик.

— Начни с самого начала, — важно ответил король. — И продолжай, пока не дойдешь до конца. Когда дойдешь — кончай».

ее вижу: милое лицо, все в морщинках, когда она улыбалась, пухлые пальцы в кольцах с аметистами и изумрудами. Я даже ясно вижу ее большую брошь у ворота, тоже изумрудную. Хотя она не доводилась мне ни теткой, ни даже крестной, она была ко мне необыкновенно добра. Почти так же, как я к тебе. Она очень любила вкусно покушать и держала кухарку, которая пекла замечательные пироги и торты. Забыть их невозможно — столько там было изюму и пряностей. А варенья, джемы, пироги с малиной, хворост, пончики с яблоками, оладьи, ромовый бисквит — такого я больше никогда в жизни не пробовал! А на Рождество разные фаршированные яйца и пирожки с устрицами! Даже сейчас слюнки текут, как вспомню.

— Ну и ну, дядюшка Тим! Ты, оказывается, был большой лакомка.

— Мало того, что был. Я и сейчас лакомка — ты сама убедишься за ланчем. И если я еще не окончательно отупел и не утратил обоняния, я чую запах яблочной шарлотки. Но что толку о ней говорить, пока она не готова! Итак, Летиция, ты не станешь возражать, что в доме миссис Лам превосходно жилось маленькому мальчику с большим аппетитом — я, разумеется, гостил у нее только в каникулы. Но в те времена, хотя в школе было достаточно всяких благоглупостей, например наказания за невыученные уроки, порка, капустные кочерыжки, пудинг с нутряным салом, рыбий жир, касторка, скудная пища и прочее, до такого чудовищного кошмара, как задания на лето, еще не додумались. Когда я слышу про летние задания, мне неизменно вспоминается история молодой особы, которая собиралась пойти купаться:

— Схожу на речку я разок
В хорошую погоду?
— Сходи, конечно, мой дружок:
Одежку кинь на бережок,
Но лезть не вздумай в воду!*

— А я знаю не так, — сказала Летиция. — Я знаю так:
«Повесь одежду на сучок».

— Так-то, понятно, лучше, — отвечал дядюшка Тим, —
но ведь до сучка можно не дотянуться, если он высоко.
Хорошо, пускай будет и по-твоему, и по-моему:

— Схожу на речку я разок
В хорошую погоду?
— Сходи, конечно, мой дружок:
Повесь одежду на сучок
(Так хочет Летти — и молчок!)
Иль кинь ее на бережок
(Так проще — я не слишком строг),
Но лезть не вздумай в воду!

До того как мы с тобой заспорили, я хотел сказать, что
в те дни порядочные мальчики не обязаны были на кани-
кулах сидеть в четырех стенах и с отвращением читать
книжку, которую они прочли бы с удовольствием и даже
отдали бы за нее половину своих карманных денег, если
бы им не навязывала ее школьная программа. Что и тре-
бовалось доказать. Но все это строго между нами. Нико-
гда, ни при каких обстоятельствах не следует критиковать

.....
* Строка из популярного детского стихотворения.

старших. У меня, во всяком случае, не было для этого повода, когда я гостил у миссис Лам, — жизнь моя была сплошным блаженством.

Начнем с того, что дом миссис Лам был необычной, причудливой архитектуры и притом старый-престарый, гораздо стариннее моего и по крайней мере в три с половиной раза больше. Кроме того, он находился в очень красивой местности: поля на отлогих склонах, рощи и лесочки на гребнях холмов, в оврагах и в долинах. А внизу, там, где кончался большой фруктовый сад, разбитый прямо на склоне, протекал говорливый ручей с камышами и осокой и множеством водяных птиц. Впрочем, не знаю, как ты, Летиция, но я терпеть не могу описания природы. В этом саду росло столько вишневых деревьев, что весной казалось, будто он покрыт густым снегом. Если мне суждено, дитя мое, попасть в рай, то я надеюсь увидеть там еще раз этот дом и сад.

— А разве его больше нет в том месте, где он был? — спросила Летиция.

— Увы, дорогая! Его больше не существует. В одно прекрасное утро некая кухарка — не та, о которой я тебе рассказывал, — жарила к завтраку пончики, брайтонские пончики, как вдруг кошка с воем вцепилась ей в ногу. Кухарка выронила сковородку, и все вокруг вспыхнуло. С дикими воплями эта глупая кухарка бросилась в сад, вместо того чтобы сделать все, что полагается в таких случаях. И старый дом сгорел дотла. Дотла! Ты только подумай, Летиция. Подумай и запомни. И всегда одним глазом следи за сковородкой, а другим за кошкой. Я благодарен судьбе, что это случилось, когда миссис Лам уже не жила в этом доме, — она уехала к своему младшему брату на Цейлон,

откуда привозят прекрасный чай, который любила эта негодяйка кухарка.

В те давние дни птицы были моей главной и единственной страстью. Удивительно, что у меня у самого не выросли перья. Я слишком любил птиц, чтобы стрелять их из рогатки, но все же любовь не мешала мне ставить на них силки и сажать в клетки. Силки были двоякого рода — колпаки и петли. Интересно, если бы ты была, скажем, коноплянкой или жаворонком, дроздом или снегирем, тебе бы понравилось сидеть в крошечном помещении с решеткой вместо окошек на потеху негодному мальчишке лет девяти-десяти или около того?

— Совсем не понравилось бы, — сказала Летиция, — но я все же предпочла бы попасть к тебе, а не к какому-то постороннему противному мальчишке.

— Благодарю тебя, дорогая, — сказал мистер Болсовер. — Договорились. Учти, чем вольнее птица, тем невыносимее для нее клетка. Но тогда я был, как все мальчишки, и вел себя соответствующим образом. Я лил крокодиловы слезы, когда воробьи или зяблики, попавшие в силки, начинали хиреть и погибали. Я хоронил очередную птичку, втыкал в могильный холмик палочку и шел ставить новую ловушку.

Силки мои были повсюду, часто в местах, где мне совсем не положено было их ставить. Я хочу, чтобы ты знала, за чем я так рьяно охотился. — Тут мистер Болсовер понизил голос почти до шепота. — Я охотился за редкими птицами — удодами, иволгами, оседами. Я тайком мечтал о птице с дивным оперением и голосом, о такой, какую еще никому не доводилось видеть, о птичке, вылетевшей прямо из окошка в голове волшебника. Как видишь, я был слегка помешан на

птицах. Время от времени такая птица мне даже снилась, но при этом в клетке почему-то всякий раз оказывался я сам.

Мне особенно памятно укромное местечко, где мне страстно хотелось поставить ловушку, но я долго не решался это сделать. Место это было на дальнем краю поля, куда слетались птицы всех цветов, пород и оттенков. Я так и не мог понять, что их там привлекало. Мне никогда не надоедало наблюдать за этим скоплением птиц, за бесконечным мельканием крыльев в солнечных лучах. Это было, очевидно, место каких-то секретных птичьих сборищ — птицы сотнями слетались туда, невзирая на то что на поле стоял старый Джо.

— Этот самый? Который теперь тут? — с удивлением воскликнула Летиция, указывая пальцем на неподвижную, нескладную фигуру в съехавшей на ухо старой поношенной шляпе, нелепо торчащую на фоне серо-зеленых ив; раскинув руки, пугало смотрело на них с поля за садом.

— Да, этот самый Джо. Не гляди в его сторону, пока мы говорим о нем, — я боюсь оскорбить его чувства. Итак, скажу тебе по секрету, Летиция: старый Джо, как ты, впрочем, можешь догадаться и сама, — пугало. Самое обыкновенное, вышедшее из моды, дурацкое страшилище-пугало. Всю жизнь был пугалом и ничем иным. Правда, мы с ним уже много лет живем бок о бок и не сказали друг другу ни одного недоброго слова. Мы как Иосиф и Вениамин, братья-близнецы*. Если меня поставить на его место, ты бы, наверное, не могла нас различить.

.....

* Иосиф и Вениамин — сыновья библейского патриарха Иакова от Рахили. Мистер Болсовер ошибается: они не были близнецами, Иосиф на несколько лет старше Вениамина.

— Как ты смеешь так говорить, дядюшка Тим! — возмущилась Летиция и ласково взяла его под руку. — Ты просто напрашиваешься на комплименты. Как не стыдно!

— На это, мисс Синичка, я тебе могу ответить только одно: спроси у самого Джо. Теперь-то мы с ним давние друзья, хотя в начале нашего знакомства он напугал меня до смерти. Я как-то крадучись пробирался вдоль изгороди, внимательно следя за тем, чтобы никто не вышел на поле, так как забрался в чужие владения. В обычное время, когда не надо было пахать, боронить, сеять, мотыжить или снимать урожай, поле пустовало, — кроме, пожалуй, воскресных дней, когда мог явиться проверить посевы фермер, мистер Джонс. Это был огромного роста краснолицый человек с неизменной толстой палкой в руках.

Поле было большое, акров сорок земли, странной, неправильной формы. Оно спускалось по склону и книзу суживалось, как перевернутая карта Англии. Одним краем оно примыкало к небольшой роще лиственниц. Тогда стоял апрель месяц. Утро выдалось солнечное, но холодное. Поле было пустынно, только осколки кремня поблескивали на пашне в солнечных лучах. Оно уже было засеяно, но зелень пока что не показывалась.

Как я уже говорил, я пробирался вдоль живой изгороди, а под курточкой у меня были спрятаны силки. От волнения я едва дышал. Сквозь колючую изгородь, уже покрытую изумрудными почками, я точно разглядел место для будущей ловушки: в канаве между полем и изгородью. Из-за кустов мне был виден только кусочек поля, но я знал, что тут-то и есть настоящий птичий рай — особенно с приближением весны.

Так я постепенно дошел до выхода на поле — до ветхой расхлябанной калитки, которая держалась цепочкой. Скажу тебе по секрету, это было позорище, а не калитка. Впрочем, это уже не наше дело. И вдруг мне почудилось, что сам фермер Джонс смотрит на меня с середины поля, с расстояния в каких-нибудь тридцать ярдов. Я замер от страха; сначала меня бросило в жар, потом я похолодел, но я стоял и ждал не отрывая взгляда. На мгновение мне показалось, что я вижу, как он ворочает глазами.

Все это продолжалось не более секунды. Затем я понял свою ошибку. Это был вовсе не фермер Джонс и даже не его работник. На поле стоял старый Джо, наш старина Джо, но только он внезапно ожил. Ожил! Вообще, если вдуматься, Летиция, что такое жизнь? Это большая загадка.

— Да, ты прав, дядюшка Тим, — прошептала Летиция, подсаживаясь поближе к дядюшке. — Может, он и сейчас живой?

— Вполне возможно, что он и сейчас может ожить, — согласился старый мистер Болсовер. — К тому же не надо забывать, что тогда он был значительно моложе. С тех пор он износил много новых костюмов от старьевщика и переменил столько шляп, что пальцев на руках не хватит их сосчитать. Да, это были его золотые денечки. Он был тогда в расцвете молодости, красавец мужчина, щеголь с модной картинкой. А сейчас я не согласился бы расстаться с ним даже за мешок золотых гиней. Даже за двадцать мешков, хотя гиней сами по себе вещь неплохая. Это объясняется тем, что, во-первых, теперь я люблю его бескорыстно, люблю таким, каков он есть, а во-вторых, дорогая Летиция, не часто человеку выпадает на долю встретить в нашей жизни живую фею.